

The illustration depicts a man with a grey beard and mustache, wearing a dark jacket over a green military-style shirt, looking down with a somber expression at his hands. In the background, a green vintage car is parked on a city street. A soldier in a blue uniform is kneeling on the ground, attending to a person lying face down. The scene is set in a city with classical architecture and bare trees, suggesting a post-war or wartime setting.

ТЕМНЫЕ МОСКОВСКИЕ НОЧИ

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов

Темные московские ночи

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Темные московские ночи / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2020 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-112413-7

В послевоенной Москве неизвестная банда совершает нападения на одиноких прохожих. Одной из жертв налетчиков стал отставной подполковник НКВД. Бандиты жестоко убили его и дочиста ограбили. Сыщики МУРа Иван Старцев и Александр Васильков обращают внимание на особую примету погибшего – отсутствие двух фаланг на указательном пальце правой руки. Точно такая же травма была у сослуживца Василькова, убитого при странных обстоятельствах в 1943 году таким же способом. Что это – случайное совпадение или почерк выжившего на войне убийцы? Страшная разгадка не заставила себя ждать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112413-7

© Шарапов В. Г., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валерий Георгиевич Шарапов

Темные московские ночи

© Шарапов В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Центральный фронт, западнее Рыльска Июль 1943 года

Видимость в густом лесу была отвратительной. Курочкин, двигавшийся впереди, порой заходил в такие дебри, что совершенно терялся из виду. С десяти шагов не разглядеть, да и не услышать. Он перемещался совершенно бесшумно, словно на ногах у него были не солдатские ботинки, а мягкие войлочные тапки. Поэтому бойцам, шедшим следом, иной раз приходилось лишь догадываться о том, куда он подевался.

Курочкин был невысок ростом, но крепок и жилист. Природа наделила его такими качествами, как вдумчивость, внимательность, осторожность. В мирной жизни он легко стал бы прекрасным охотником, если бы этого пожелал. А на войне отцы-командиры быстро разглядели эти его способности и определили мужика в разведку.

Яркое июльское небо хорошо освещало верхушки высоких осин и кражистых дубов, но пространство под кронами растворялось в густом полумраке. У оснований древесных стволов разрастались лещина, жимолость, бересклет, шиповник. Красота! Вот только любоваться ею в разведке не пристало.

Капитан Александр Васильков наконец-то заметил впереди застывшую фигуру сержанта, успокоился, остановился и отхлебнул из фляжки. Уже с полчаса его одолевала жажда, левая рука трижды порывалась снять с пояса флягу, да всякий раз что-то мешало, отвлекало. Вот и последние несколько минут ему пришлось искать Курочкина, исчезнувшего из поля зрения. Вроде только что мелькала в листве его спина в насквозь пропотевшей гимнастерке и вдруг растворилась в серо-зеленой мешанине.

Курочкин дело знал, за полтора года службы в разведке не раз проникал за линию фронта и участвовал в рейдах по немецким тылам. Ежели он остановился и застыл, стало быть, впереди не все гладко.

Командир опять позабыл про желание испить водицы. Он машинально прицепил фляжку к поясному ремню, оглянулся и попытался узреть в зарослях своих бойцов. Основная часть группы следовала за ним на дистанции пятнадцать-двадцать метров.

Он не стал набирать в этот рейд многочисленную группу. Через линию фронта на сей раз отправились восемь душ. Впереди шел Курочкин, Васильков шагал следом. Позади командира держались шестеро новичков.

Да, к сожалению, служба в разведке предполагала жуткую текучку кадров. Несколько дней назад при возвращении с задания серьезные ранения получили капитан Старцев и одессит Сидоренко. Обоих отправили в госпиталь, а в группу добавились новички.

Одним из таких людей был старший лейтенант Николай Точилин, командир взвода из соседнего полка. Он давненько просился в разведку, писал рапорты и даже лично обращался к Василькову. Но ротного в нем что-то настораживало. То ли заторможенность – он любил подолгу подумать, порассуждать, – то ли шаблонное мышление, что в службе фронтового разведчика совершенно не поощрялось. Вроде неплохой, умный парень, без явных недостатков, но не для этого дела.

А тут прижало. За последний месяц рота Василькова понесла большие потери. Пришлось ему закрыть глаза на мелочи и попросту брать тех, кто горел желанием.

Все шестеро, включая Точилина, были на месте, в нескольких метрах от командира. Капитан подал им сигнал об усилении внимания и принялся наблюдать за сержантом. Чуть согнув спину, тот стоял под ветвями высокого кустарника и медленно поворачивал голову то

влево, то вправо. Это означало, что его тонкий слух уловил какие-то звуки. Теперь Курочкин определял направление, искал их источник.

«Впереди дорога», – вскоре пояснил он жестами и вопросительно поглядел на Василькова.

Вместо ответа тот вплотную приблизился к сержанту и шепотом спросил:

– С чего ты взял? На карте не обозначено никаких дорог.

– Помню, что не обозначено. Но поначалу слышал немецкую речь. Будто двое идут и негромко бубнят меж собой, – пояснил Курочкин. – А потом чуть левее и дальше затарахтел мотоциклетный мотор. Неужто вы не слышали?

Лишний раз подивившись хорошему слуху сержанта, командир мотнул головой и ответил:

– Нет.

Он тотчас насторожился.

Дуновение легкого ветерка принесло едва различимый стрекот. В паре сотен метров от них действительно проезжал мотоцикл.

После крупнейшего танкового сражения в районе станции Прохоровка, в центре и на южном фланге Курской дуги случилось затишье. Стороны воспользовались передышкой и спешно занялись перегруппировкой сил.

Минувшей ночью разведчики капитана Василькова скрытно пересекли линию фронта, продвинулись на юго-запад и еще затемно вошли в густые леса между Рыльском и Казачьей Каменкой. По мнению начальника разведки 60-й армии, где-то в этих лесах разместился штаб 13-го армейского корпуса 2-й армии вермахта. Советскому командованию позарез требовались свежие данные по составу корпуса и его вооружению.

В июле 1943 года 2-я армия вермахта состояла всего из двух корпусов: 7-го и 13-го. Казалось бы, невелика сила. Однако, по данным советской разведки, оба корпуса недавно прошли переформирование, получили пополнение в виде живой силы, техники и новейшего вооружения. Иначе вряд ли немецкое командование доверило бы этому соединению оборону самого ответственного участка на дугообразной линии фронта, протянувшейся от Малоархангельска до Волчанска.

Так или иначе, но все эти предположения перед началом масштабного наступления требовалось опровергнуть либо подтвердить. По этой причине минувшей ночью по тревоге была поднята рота разведчиков. Василькову поставили задачу, дали сорок минут на формирование группы, завтрак, сборы и отправили за линию фронта добывать языка.

– Точно дорога. Видать, совсем свежая, – медленно отодвинув ветку куста, прошептал Курочкин.

– Недавно расчистили, – согласился командир. – Часть стволов попилили, а кустарник пригладили танками. Видишь ближе к краю следы гусеничных траков?

Так и было. Широкою рокаду немцы делать не стали, дабы не светить ее перед нашими самолетами-разведчиками. Убрали только мешавшие деревья, остальные не тронули, чтоб не размыкать густые кроны. Сваленные стволы распилили на двухметровые чурбаки и растащили по разные стороны, обозначив ими границы проезжей части. В грунте и свежих опилках уже обозначилась колея от автомобильных и мотоциклетных колес.

Поколдовав над картой, Александр Васильков хотел было приказать двигаться дальше, да тут заметил, как тяжело дышит Курочкин.

– Устал? – спросил он.

– Ерунда, – ответил тот и поморщился. – Мне бы еще пяток минут отдышаться, и можно спокойно топтать дальше.

Лидеру, идущему впереди, всегда приходится тяжелее, чем бойцам из общей группы. Зрение и слух напряжены до предела, каждая мышца работает на то, чтобы передвижение оставалось бесшумным и незаметным, внимание на все триста шестьдесят градусов. Другие что, им полегче. Человек, идущий вторым, следит за лидером, замыкающий поглядывает назад, остальные секут по сторонам и двигаются общим гуртом.

Васильков тяжело вздохнул и опять вспомнил про друга Ивана. Как же порой не хватало Старцева, валявшегося сейчас по госпитальным палатам! Не повезло Ваньке. Да еще как! Ногу осколками мины разворотило так, что врачи наверняка ее отнимут.

Командир провел ладонью по лицу, отогнал невеселые воспоминания и распорядился:

– Дуй к основной группе. Я подменю тебя на полчаса.

– Понял, – сказал Курочкин и осведомился: – Куда двинем? Влево или вправо?

– Влево, на юг. Не приближаясь к рокаде. Думаю, то, к чему она проложена, находится именно там.

Дорога привела разведчиков к неглубокому овражку, на дне которого был разбит лагерь. Десяток армейских палаток различной вместимости, полевая кухня, пара землянок и беспрестанно урчащий дизель-генератор. Грунтовка обрывалась на стоянке, обустроенной перед лагерьем. Здесь находились несколько мотоциклов, два легковых автомобиля и грузовичок, видимо, подъехавший сюда совсем недавно. Нижние чины вытаскивали из кузова мешки, коробки, ящики. Возле автомобилей и у двух центральных больших палаток прохаживались часовые. Рядом с кухней суетился повар.

Овражек настолько зарос высокими деревьями и кустарником, что все это хозяйство, утопающее в густой тени, не заметил бы ни один пилот самолета-разведчика. Да что там пилот! Даже глазастый и умудренный опытом Васильков увидел лагерь, только подобравшись к нему едва ли не вплотную. Для пущей надежности немцы натянули поверх брезентовых жилищ камуфляжные сетки, а к периметру лагеря притащили огромные кусты, срубленные где-то поодаль.

– Seriously замаскировались, – вполголоса проворчал Курочкин.

Командир молча кивнул.

– Только я, значит, одного не пойму, Александр Иванович, – продолжал сержант. – Чего же патруль-то по лесу не рыщет? Не похоже на осторожную немчину. Как думаете?

– Зачем им здесь патруль? Они уверены в своей безопасности, – проговорил Васильков.

– А сколько мы отмахали от линии фронта?

– Километров двенадцать.

– Тогда понятно. Некого им тут опасаться.

Несколько часов назад, перед тем как войти в этот лес, разведчики засекли на его южной опушке немецкие танки. После подсчета вылезла круглая циферка – тридцать пять штук. Целый батальон! Вдоль северной опушки разместились другая техника: грузовики, дивизион легких артиллерийских орудий. Там же маячила и пехота в количестве никак не менее двух батальонов. Скопление войск плюс скрытность, с которой был обустроен штаб, и впрямь придавали немецкому командованию уверенность в абсолютной безопасности.

Основная группа разведчиков расположилась метрах в пятидесяти от оконечности дороги. Васильков с Курочкиным подобрались поближе к противнику, убедились в отсутствии патрулей и наблюдали за всем тем, что происходило в лагере и на стоянке.

Начальник разведки 60-й армии не ошибся. Палаточный лагерь, разбитый посреди леса, действительно ой как походил на полевой штаб крупного немецкого войскового соединения, корпуса или как минимум дивизии. Над одной из палаток торчало множество радиоантенн, провода опутывали стволы ближайших деревьев. В другой, вероятно, размещался оперативный отдел. Третья служила для приема пищи, а в четвертой прямо сейчас явно происходило

совещание. Время от времени из нее выходили старшие офицеры, негромко переговаривались, курили.

В такие моменты Александр скрипел зубами, настолько хотелось ему захватить одного из них. Ведь приволочь из разведки такую важную птицу было бы огромной удачей. Однако рисковать своими людьми он не собирался. В этой ситуации действовать нагло, полагаясь на внезапность и скорость, было безрассудно. Сил у противника здесь сконцентрировано прилично. Немчура мигом окружит лес, прочешет его, и все, поминай как звали. А Васильков хотел не только выполнить боевую задачу, но и сохранить жизни своим подчиненным.

Через час скрытного наблюдения он убедился в том, что выкрасть языка с территории полевого штаба не удастся. Слишком уж в лагере былолюдно, оживленно. Двое часовых торчали у палаток, возле кухни маячил повар с помощником, несколько солдат возились у землянки, служившей складом. Из узла связи периодически выскакивал младший офицер и легкой трусцой бежал в большую палатку с очередной радиোগраммой, принятой только что. Туда же с рулоном карт часто нырял тучный майор из палатки, где размещался оперативный отдел.

Зато после отъезда грузовика на стоянке неожиданно наступила тишина. На небольшой площади по-прежнему отдыхали мотоциклы и пара легковушек, но уже не было ни одной живой души. Видимо, часовой там появлялся только на время разгрузки изредка подъезжавших автомобилей.

Александр тотчас подметил эту перемену.

«От стоянки до палаток метров сорок, не меньше. Если подстеречь там приехавшего фашиста, аккуратно тюкнуть его по башке и смыться с ним в чашу, то дело выгорит», – решил он.

По приказу Василькова группа перераспределилась. Курочкин и новичок Точилин заняли позицию недалеко от стоянки. Когда от нее отъедет мотоцикл или легковой автомобиль, они должны будут подать сигнал Жарову. Рядового Жарова капитан посадил метрах в сорока от Курочкина и приказал не спускать глаз с товарищей. Остальные бойцы залегли по обе стороны от дороги, еще дальше от полевого штаба.

По задумке командира, Курочкин должен был выбрать подходящую цель, лучше всего – одиночного мотоциклиста и сигнализировать о его отъезде Жарову. Тот сообщит об этом Василькову. Группа захвата немедленно выдвигается к дороге и ударом приклада вышибает мотоциклиста из седла. Захват намечался на приличном удалении от стоянки, так что шум, вполне возможный в такой ситуации, вряд ли будет услышан часовыми. Выстрелить фашист не успеет, удар же неуправляемого мотоцикла о дерево дальше тридцати шагов в густом лесу не разойдется.

Ждать пришлось довольно долго. Стрелки наручных часов показывали половину третьего. С минуты на минуту совещание в главной штабной палатке лагеря закончится, офицеры переместятся в соседнюю, и начнется обед.

Васильков лежал под кустом на небольшом пригорочке. Рокада с его позиции просматривалась скверно, а лагерь и Курочкина с Точилиным он не видел и вовсе. Зато неприметная фигурка рядового Жарова была как на ладони. Любой его жест или знак будет тут же замечен Васильковым или старшиной Петренко, распластавшимся рядом с командиром.

Капитан глянул на сосредоточенное лицо соседа. Петренко был одногодком Александра, в разведроту попал месяца два назад. Воевал хорошо и вообще зарекомендовал себя надежным и серьезным человеком.

По другую сторону дороги ждали команды сплошь новички. Васильков сам, лично, отбирал их в свою роту, подолгу беседовал с каждым, проверял навыки рукопашного боя и владения оружием.

Он снова посмотрел на Жарова, потом перевел взгляд дальше, на зеленое марево, колыхавшееся под легким ветерком, обильно разбавленное золотом солнечных лучей и темными пятнами густой тени. Где-то там, в этом мареве прятались Курочкин с Точиным.

«Точилин!.. – Васильков вздохнул. – Ты только не подведи меня, старлей».

До войны Точилин служил в уголовном розыске подмосковного Подольска. Осенью сорок первого он был призван в армию и назначен командиром стрелкового взвода, с середины сорок второго начал писать рапорты с просьбой перевести его в разведку.

– Какого лешего ты просишься в мою роту? У тебя же нет указательного пальца правой руки! – заявил Васильков, впервые познакомившись с Точиным. – Как ты собираешься воевать?

– У меня уж несколько лет его нет. – Взводный продемонстрировал давно затянувшийся шрам на единственной уцелевшей фаланге пальца. – Так что с того? Я левой наловчился стрелять. Шестьдесят пять очков из нагана вышибаю.

Шестьдесят пять из семидесяти – результат отличный. Только на слово Васильков никому не верил и решил испытать бывшего оперативника угрозыска. Он немедленно сделал это и был приятно удивлен. Тот действительно очень даже лихо палил с левой руки. Более того, с момента потери пальца он научился делать ею все то, что ранее делал правой.

Настойчивость и работоспособность Точилина не могли не вызвать уважения. Васильков закрыл глаза на излишнюю задумчивость старлея и зачислил его в свою роту.

После продолжительного затишья на лесной рокаде послышалось тарахтение двигателя.

– Мотоциклет, – тут же определил старшина, лежавший рядом с командиром.

– Точно, – подтвердил капитан. – Только едет он с другой стороны.

Спустя полминуты они рассмотрели сквозь листву мотоцикл с коляской, медленно двигавшийся по лесной дороге.

– Сколько их там? – спросил Васильков.

– Один вроде, – шепотом ответил старшина. – Ну да, так и есть. Кажись не офицер. Жирный галун вокруг погона и три звездочки.

– Ясно, штабс-фельдфебель. Морду видишь?

– Не разобрать. Он в каске и в специальных очках. Поджарый, но некрупный. Такого можно быстро скрутить.

С позиции старшины дорога просматривалась получше. Глазастый Павленко чуть отодвинул жиденькую ветвь куста и внимательно наблюдал за мотоциклом, проезжавшим мимо.

– В коляске пусто? – нетерпеливо интересовался капитан.

– Не вижу толком. Как будто пусто. А у фельдфебеля планшет у правой ляжки болтается.

– Может, связной?

– Не знаю, Александр Иванович. Похоже на то.

Версия о штабном связном взбудоражила сознание Василькова. Штабс-фельдфебель – не офицер, но самый старший из унтеров. Если взять его, да еще и прихватить планшет с документами, то задание можно будет считать выполненным.

«Усилить внимание! Будем брать мотоциклиста, когда поедет обратно!» – просигналил он рядовому Жарову.

Тот передал информацию Курочкину и Точиному. Группа принялась ждать.

– В чем дело?! – прошептал Васильков, когда мимо по лесной рокаде в обратном направлении промчался на мотоцикле тот самый фельдфебель.

– Вот тебе раз! – прохрипел Петренко. – Они что, там уснули, поганцы?!

Капитан поймал взгляд рядового Жарова и жестом потребовал объяснения. Тот пожал плечами и покачал головой. Дескать, да я и сам не пойму. Никакой команды от Курочкина не поступало.

Это и вовсе насторожило командира.

– Вот что, старшина. – Васильков приподнялся со своего места. – Оставайся здесь и жди моей команды через Жарова.

– А вы куда?

– Проведаю Курочкина. Очень не нравится мне все это.

Александр осторожно преодолел тридцать метров, присел возле рядового и спросил:

– Что случилось?

– Не знаю, товарищ командир, – прошептал Жаров. – Вроде как рядом с позицией Курочкина и Точилина мелькнула тень. И оба куда-то запропали. Я подумал, что они отползли подальше от дороги.

– То есть ты потерял их из виду до отъезда мотоциклиста со стоянки?

– Так точно. Они запропали, а тут и мотор мотоциклетный затарахтел. А я ж не вижу, кто там на стоянке из фрицев околачивается, ну и не стал вам сигналить.

– Молодец. Правильно поступил. – Васильков поправил ремень. – Смотри в оба. Я к Курочкину.

Позиции Курочкин с Точиным не меняли. Обоих Васильков обнаружил на том же месте, неподалеку от стоянки немецких мотоциклов и автомобилей. Старлей с перерезанным горлом лежал в луже собственной крови. Курочкин находился чуть дальше и был без сознания.

– Очнись, сержант! Ну же, давай! – Капитан тряс его за плечи, оглядываясь по сторонам.

Курочкин тоже был прилично перепачкан в крови, но дышал, издавал приглушенные мычания и не торопился приходить в себя.

Тогда Васильков отыскал на позиции место, с которого был виден рядовой Жаров.

«Двое ко мне!» – приказал он ему жестом.

Спустя минуту рядом появились старшина и Жаров. Оба изумленно застыли, увидев товарищей, лежащих без движения.

– Берите Точилина, – приказал им капитан, сам же взвалил на плечо Курочкина. – Уходим.

Как ни странно, но погони никто из разведчиков не слышал, в лесу по-прежнему было тихо. Воссоединившаяся группа отошла от немецкого штаба метров на пятьсот и резко повернула на восток. Курочкин к этому моменту очухался и двигался самостоятельно. У него сильно кровоточила рана на правой руке, где отсутствовала часть указательного пальца. Он покачивался, держался окровавленной ладонью за ушибленное темечко, но упрямо топал за командиром и даже не отдавал товарищам автомат.

Через пару километров разведчики остановились на привал. После быстрого марш-броска следовало передохнуть, забинтовать раны Курочкину, похоронить погибшего старлея и дождаться темноты.

– Значится, так. Когда Жаров нам просигналил, что будем брать фельдфебеля, мы с Точиным стали ждать его возвращения на стоянку, – рассказывал сержант, покуда старшина бинтовал ему голову. – Лежим, значит, десять минут, двадцать, полчаса. И тут захотел я по нужде. Сильно, прямо нестерпимо. Предупредил старлея, отполз чуток с пригорка назад, снял штаны...

– Давай без подробностей, – остановил его Васильков. – Что случилось дальше?

– А дальше, слышу, Точилин сверху шепчет, что фельдфебель топает к стоянке. Ну, поторопил он меня. Давай, мол, быстрее управляйся со своими делами. Я закончил. Пополз обратно. И тут р-раз что-то по башке! Будто свет кто потушил.

– Сзади ударили?

– Ну да. Я так понимаю. Другого и не придумаешь.

– Кто же это мог быть? – допытывался командир. – Фельдфебель или кто-то другой?

Курочкин чуть подумал и ответил:

– Если бы к стоянке шли двое, то Точилин сказал бы об этом. А он только про фельдфебеля оповестил.

– Больше никто не мог незаметно подобраться к вашей позиции?

– Нет, Александр Иванович, – уверенно проговорил сержант и качнул головой, отчего старшина едва не выронил бинтовой валик.

– Да сиди ты, не дергайся! – пробурчал он. – Мне еще палец твой перевязывать!

– Сижу-сижу.

Васильков нахмурился и сказал:

– Стало быть, это дело рук штабс-фельдфебеля, так?

– Его, командир. Определенно. Выходит, что сильно ловок этот фельдфебель. Внимателен, раз нас заметил и ходил по лесу так, что даже я его не усек.

– Не понятно.

Это происшествие действительно выглядело весьма странным. Как фашист умудрился распознать в лесу советских разведчиков? Каким чудом он сумел подобраться к ним незамеченным? Почему не поднял шум, убил одного, оглушил другого и попросту уехал на мотоцикле?

Закончив с раной на голове, старшина занялся указательным пальцем на правой ладони Курочкина. От него осталась лишь одна фаланга. Все остальное немец лихо отсек своим кинжалом. Теперь по удивительному совпадению рука сержанта в точности походила на руку Точилина, погибшего в этом рейде.

Трое разведчиков, сменяя друг друга, заканчивали рыть могилу.

– Готово, Александр Иванович, – доложил рядовой Жаров.

Командир тяжело поднялся, помог уложить старшего лейтенанта на дно неглубокой ямы, достал из кармана чистый платок, аккуратно накрыл им бледное обескровленное лицо молодого мужчины.

Разведчики на минуту застыли по краям могилы, навсегда прощаясь с товарищем.

– Закапывайте, – приказал Васильков и поглядел в темнеющее небо. – Через полчаса выходим.

Глава 1

Москва, сентябрь 1945 года

По давнему обычаю Иван Харитонович Старцев появлялся на службе первым. Отперев ключом кабинет, он окидывал взглядом свое хозяйство, морщился от насквозь прокуренного воздуха и, прихрамывая на покаленную ногу, подходил к окнам, чтобы открыть форточки или целиком фрамуги. Потом майор скидывал верхнюю одежду – офицерскую шинель или черный пиджак от старого довоенного костюма – и топал по лестнице на этаж выше, в кабинет начальника МУРа. Ознакомившись на совещании со всеми криминальными новостями и получив соответствующие распоряжения, майор Старцев возвращался в отдел, ставил на электрическую плитку чайник и занимал любимое место на широком подоконнике. Там он выпивал кружку чая и выкуривал папиросу, дожидаясь прихода подчиненных.

Сегодня старший оперативно-разыскной группы вернулся с совещания озабоченный и даже немного расстроенный. Это сразу подметил Васильков, едва вошел в кабинет и прикрыл за собой дверь.

– Что случилось, Иван? – негромко поинтересовался он, пожимая руку товарища.

Тот поначалу нервно отмахнулся, потом вздохнул и спросил:

– Ты ведь про ночные грабежи одиноких прохожих слыхал?

– Конечно. Мы только вчера о них вспоминали.

– Помнится, ты говорил, что дело интересное, верно?

Александр налил в свою кружку кипятка, кивнул и сказал.

– Голову есть над чем поломать.

– Ну вот и радуйся. Нам поручили расследование этой чертовщины.

– Ты серьезно?

– Я сейчас похож на шутника? – поинтересовался Иван и выщелкнул из пачки следующую папиросу.

Васильков усмехнулся. В данный момент его товарищ больше походил на сердитого работника, коему начальство подкинуло внеурочное задание в ночную смену.

– Это связано с грабежами? – Александр кивнул на фотоснимки, которые Старцев держал в руке.

– Да. Ознакомься.

Бывший командир разведроты уселся за свой стол и принялся изучать фотоматериалы.

Оперативно-разыскная группа майора Старцева считалась одной из лучших в Московском уголовном розыске. Ее костяк сложился еще в начале войны, когда ею руководил ветеран майор Прохоров. Иван Старцев влился в нее в сорок третьем, после серьезного ранения под Рыльском. Всего через год он возглавил коллектив вместо Прохорова, ушедшего на повышение. Заместителем Ивана Харитоновича был назначен капитан Василий Егоров, крепкий мужик с симпатичным лицом и со здоровенными кулачищами. Следующим по опыту и выслуге лет значился старший оперуполномоченный капитан Олесь Бойко, похожий на доброго молодца из старой русской сказки, рослый, белокожий, кудрявый и невероятно сильный. Рядовыми оперативниками работали старшие лейтенанты Ефим Баранец и Игнат Горшеня, лейтенант Константин Ким.

Последним пополнением стал майор Васильков. Он был зачислен в группу рядовым оперуполномоченным после демобилизации из армии в начале лета 1945 года.

Группе поручали расследование самых сложных и, казалось бы, безнадежных преступлений. Но все-таки Старцев и его подчиненные справлялись с ними, раскрывали их в поставленные сроки.

Так в июле этого года группе удалось довести до логического завершения сложнейшее уголовное дело, связанное с вооруженным налетом на эшелон, прибывший в Москву из Берлина. В тяжелом бронированном вагоне трофейная команда привезла в столицу СССР так называемую золотую коллекцию Шлимана, состоящую из нескольких тысяч уникальных золотых предметов. Банда ярого противника советской власти Казимира Квилецкого тщательно подготовилась к налету. Бандиты раздобыли форму офицеров НКВД, проникли на автомобилях на территорию грузовой железнодорожной станции, где находился бронированный вагон, ввели в заблуждение охрану и обманным путем завладели ящиком с самыми крупными предметами из коллекции.

Начальник охраны все же заподозрил неладное и попытался задержать подозрительных персонажей. На платформе завязалась перестрелка, несколько человек было убито и ранено, но бандитам удалось не только уйти, но и прихватить с собой дорожную добычу.

Это дерзкое преступление получило широчайший резонанс. На кон была поставлена честь Московского уголовного розыска.

Дело поручили оперативно-разыскной группе Старцева, и менее чем за две недели сыщики сотворили чудо. Они разгадали, выследили, переиграли, в конце концов, возвели фундамент доказательной базы, благодаря которой банда Квилецкого была разгромлена, а утраченная часть золотой коллекции Шлимана – возвращена государству.

Месяцем позже случилось еще одно громкое дело. В подмосковном селе Челобитьево был зверски убит семидесятилетний настоятель местной церкви отец Илларион. Народ в ближайшей округе заволновался, загудел. Как же так?! Ведь церковь помогала государству в тяжелые годы! Стало быть, и государство должно ответить тем же, поймать негодяев и наказать по заслугам! Ход расследования взял на контроль ЦК партии и сам Лаврентий Берия.

Поначалу преступление показалось сыщикам простым и очевидным следствием алчности. Убийцы унесли из церковной кассы большую сумму денег, собранную прихожанами на возведение нового здания церкви взамен наполовину разрушенного старого. Касательно убийц у оперов возникало множество версий. Главными подозреваемыми долгое время оставались цыгане из табора, расположившегося близ железнодорожной станции Мытищи. Однако в ходе оперативно-следственных мероприятий внезапно стали всплывать некие факты, свидетельствующие о непричастности цыган к убийству отца Иллариона.

Сыщики вели кропотливую работу и постепенно, шаг за шагом вышли на главного организатора убийства, коим оказался высокопоставленный партийный функционер. Деньги из церковной кассы были ему не нужны. Их пропажа понадобилась для инсценировки ограбления и для того, чтобы следствие пошло по ложному пути. На самом деле партийный руководитель пытался замести следы и убрать человека, ставшего свидетелем его невиданной трусости при эвакуации населения Смоленска в сентябре 1941 года.

Рабочий кабинет оперативно-разыскной группы постепенно наполнялся сотрудниками. Поприветствовав товарищей, каждый по традиции наливал в свою кружку только что заваренный чай.

В процессе утреннего чаепития Старцев посвящал подчиненных в планы грядущего дня.

– Сигнал по данному происшествию поступил дежурному в два часа ночи. На место сразу выехал наряд и начал работу, – делился он недавно полученной информацией. – К утру общая картина преступления стала ясна, и на стол комиссара Урусова легла докладная записка. Собственно, этот случай и жажнул над нашими головами не хуже немецкой осветительной ракеты. Давненько я не видал Александра Михайловича таким озабоченным и сердитым. В общем,

партийному руководству Москвы и нашему дорогому начальству эти ночные выкрутасы порядочно надоели. Решено поставить в этом деле точку.

– Что по конкретному факту, Харитоныч? – пробасил Василий Егоров.

– По факту нападения известно следующее. Потерпевший Игорь Иванович Семенцов в подпитии средней степени возвращался домой с празднования дня рождения своего племянника. В плохо освещенном переулке к нему подошли четверо мужчин, обступили со всех сторон и, не предъявляя каких-либо претензий, несколько раз ударили по голове. Когда Семенцов очнулся, то обнаружил, что из кармана пиджака исчез бумажник с крупной денежной суммой. Пропали также дорогие наручные часы и серебряный портсигар.

– Описать, конечно, никого не смог? – поинтересовался Егоров.

– В показаниях Семенцов путался, толком ответить на вопросы прибывшего наряда не смог. Поэтому тебе, Василий, поручаю поехать и провести нормальный опрос, – сказал Старцев. – Прихвати с собой Игната, и вперед.

– А где этот Семенцов теперь находится?

– В больнице. В какой именно, уточни у дежурного.

– Что по срокам? – спросил Васильков.

– Ну, со сроками пока все, слава богу, спокойно. Надеюсь, обойдемся без гонки и авралов. Егоров с Горшеней по-быстрому допили чай и покинули кабинет.

Остальные также получили задания и принялись за работу. Бойко с Баранцом отправились в архив искать все дела о ночных ограблениях в столице за 1944–1945 годы. Старцев с Васильковым пошли по коллегам, тем оперативникам, которые отрабатывали последние грабежи. Молодой Костя Ким остался в отделе на телефоне.

– Потерпевший Игорь Иванович Семенцов, тысяча восемьсот девяносто шестого года, уроженец Тульской губернии. Из служащих. Женат. Имеет двоих взрослых детей и одного внука. Проживает по адресу: Москва, Большая Грузинская, дом тридцать семь. После оказания первой помощи медиками был отпущен домой. Беседа с ним вышла долгой, – докладывал о результатах опроса пострадавшего Василий Егоров.

Он переглянулся с Горшеней, вдруг улыбнулся и заявил:

– Знаете, мужики, в какой-то момент мы с Игнатом едва не впали в отчаяние.

– Это почему же? – спросил Старцев.

Капитан пожал плечами и ответил:

– То ли Семенцов еще не оправился от удара по башке, то ли всегда был таким чудным.

– В чем его странность?

– Понимаешь, его память – это свалка никому не нужной информации. Он перечислил нам дурные привычки всех соседей по подъезду, назвал имена многих хулиганов из Тишинских переулков, а также сообщил номера и названия ближайших магазинов, в которых продавцы по его убеждению нещадно обвешивают честных покупателей. Этого типа можно было слушать до завтрашнего утра и не получить никаких стоящих сведений.

– Ценный фрукт, – посмеиваясь, сказал кто-то из оперативников.

Другой уточнил:

– Только не для уголовного розыска.

– Не отвлекаемся! – заявил Старцев и досадливо поморщился. – Вася, давай покороче.

Тот согласно кивнул и ускорил повествование:

– Семенцов возвращался домой поздно, в одиночестве. Похоже, был прилично пьян, потому как подробности происшествия запомнил плохо. Сказал, что в переулке навстречу ему вышли четверо молодых парней, лиц которых он не видел. Они обступили его со всех сторон, нанесли несколько ударов, сбили с ног. О дальнейшем расспрашивать было бесполезно. В себя

он пришел, когда к месту прибыл наряд милиции, вызванный кем-то из проживавших поблизости граждан.

– А почему Семенцов решил, что нападавшие были молодыми? – спросил Васильков. – Лиц же он не разглядел.

– Да, лиц из-за темноты видно не было, зато он услышал несколько фраз, которые тоже не запомнил. Но уверяет, что голоса принадлежали молодым парням лет по семнадцать-восемнадцать, – объяснил Егоров и добавил: – Еще могу поделиться общим впечатлением о Семенцове. Весьма скользкий и неприятный тип. Явно что-то скрывает и не желает взаимодействовать со следствием.

– Ясно. Что еще удалось выяснить?

– На этом все, Харитоныч.

– Не густо, – сказал Старцев, недовольно потер подбородок повернулся к следующей паре. – Теперь ваша очередь. Докладывайте.

Во второй паре старшим по возрасту, должности и званию был Олесь Бойко.

Он хлопнул широкой ладонью по стопке серых картонных папок и проговорил:

– Двадцать четыре уголовных дела. Все относительно свежие и как под копирку. Группа из четырех-шести молодых мужчин нападает на одиночную жертву. Они лишают ее сознания ударом по голове, потом грабят, но не всегда, что весьма странно, бросают истекать кровью и скрываются. Первое дело заведено в середине сорок четвертого. Последнее – две недели назад. Оно сдано в архив группой майора Тихонова только вчера по причине невозможности выйти на преступников.

– И что же, ни одного задержания?

– В разное время оперативниками задерживались три человека. Первый мужчина был арестован по соответствию с описанием, данным жертвой нападения, второго и третьего задержали по причине уголовного прошлого и близкого проживания к местам преступлений. После проведения допросов и проверок подозрения не подтвердились, и все трое были отпущены.

– Не причастны?

– Никакого отношения к преступлениям.

Иван переглянулся с Васильковым и сказал:

– Понятно. Значит, остались мы с Александром. Так, мы успели отловить пару оперативников, занимавшихся расследованием ночных грабежей. Побеседовали, покумекали, выслушали соболезнования по поводу низких шансов на раскрытие. Все эти дела они называют мертвыми. В общем, товарищи, давайте думать сообща, как распутывать клубочек.

Перед началом Великой Отечественной войны народный комиссар внутренних дел издал приказ, согласно которому оперативно-служебная деятельность аппаратов уголовного розыска переводилась на линейный принцип. С того момента все оперативные работники вливались в группы по борьбе с конкретными видами преступлений. В Московском уголовном розыске было создано одиннадцать отделений, специализирующихся на борьбе с определенными преступлениями. Это многократно облегчило борьбу с криминалом, и процент раскрываемости резко пошел вверх.

Но, к сожалению, до полной победы над преступностью было далеко. В годы войны значительная часть руководящего и оперативного состава МУРа отправилась на фронт и приняла участие в боевых действиях. Военное положение в стране, неразбериха, потоки беженцев и тысячи стволов неучтенного огнестрельного оружия резко изменили характер преступности. Возродились некоторые преступления, считавшиеся уже забытыми, например, кражи продуктов питания, появились и новые. Это вооруженные налеты на продовольственные магазины, базы и склады, подделка продовольственных карточек. В ежедневных сводках то и дело мелькали сообщения об ограблениях квартир эвакуированных или ушедших на фронт граждан.

Пришлось спешно меняться и сотрудникам уголовного розыска.

В 1944-м начальником МУРа был назначен комиссар милиции III ранга Александр Михайлович Урусов. Именно с его появлением ветераны московской милиции связывают резкое понижение процента висяков, внедрение в работу следователей научно-технических методов расследования, а также появление дежурных частей для экстренных вызовов и принятия своевременных мер по раскрытию наиболее опасных преступлений.

Урусов начинал в сыске с молодых лет. Юношей он был принят делопроизводителем в Отдел транспортной чрезвычайной комиссии ОГПУ города Тюмени, одновременно учился. Затем Александр Михайлович служил в водном угрозыске Сибирского края, стал начальником отделения окружного уголовного розыска, работал главным сыщиком Магнитогорска, до сорок четвертого года ловил преступников в Свердловске.

После войны криминал не спешил сдавать позиции. Обстановка осложнялась тем, что на руках у населения находилось огромное количество огнестрельного оружия, а Москва, будучи самым большим городом, привлекала преступников-гастролеров из других регионов страны. Свою негативную роль сыграли и массовые послевоенные амнистии уголовников, и детская беспризорность. Так, во второй половине 1945 года неблагополучные подростки буквально терроризировали москвичей, подкидывая записки с угрозами налета банды «Черная кошка», уничтоженной МУРОм несколько месяцев назад.

Заметно повлияли на общественную жизнь и так называемые сучьи войны, разгоревшиеся во всех лагерях и зонах Советского Союза после победы над фашистской Германией. В годы Великой Отечественной войны часть эков изъявила желание добровольно отправиться на фронт. Большинство из них честно воевали, защищали Советскую Родину. Многие сложили в боях головы. Уцелевшие после войны возвращались в заключение и встречали крайне враждебное отношение со стороны не нюхавших пороха уголовников и воров в законе. Такое противостояние не могло закончиться миром. В лагерях и на воле вспыхивали конфликты, перераставшие в жестокие кровопролития.

Для обеспечения нормальной жизни и покоя советских граждан милиция работала день и ночь. Без выходных, отпусков и праздников. После разгрома фашистской Германии народ радовался победе, привыкал к тишине и чистому небу, а у сотрудников милиции оставался свой действующий фронт.

– В этом деле, по описанию потерпевшего, грабителями тоже значатся молодые парни от восемнадцати до двадцати лет, – проговорил Васильков, отодвинул от себя картонную папку, закрыл глаза и потер подушечками пальцев отяжелевшие веки.

Старцев сидел напротив. На столе перед ним лежали две стопки уголовных дел.

Он подхватил проверенную папку, положил ее на вершину левой стопки.

– И что же у нас получается?.. – Старцев прищурился и начал пересчитывать папки. – В восемнадцати случаях потерпевших ограбили. В шести – просто избили и оставили на улице.

– И заметьте, Иван Харитонович, у шестерых последних было что взять, – добавил Бойко. – Далеко не бедные граждане.

– Да, действительно, – согласился тот. – Людей просто избили, но не тронули ценных вещей. Чертовщина какая-то.

Изучив составом всей группы материалы по ночным нападениям на московских граждан, муровцы сделали неожиданный вывод. Три четверти потерпевших лишились после таких нападений денег, часов, обручальных колец и других ценностей. С некоторых жертв преступники даже не погнушались снять хорошую верхнюю одежду. То есть это были грабежи в чистом виде.

Однако четверть потерпевших осталась при своих материальных ценностях. Однако в нагрузку эти люди приобрели синяки, шишки, гематомы, а в некоторых случаях и переломы.

Тут возникал резонный вопрос. С какой целью молодые бандиты нападали на этих людей? За что-то проучить? Наказать? Отомстить?..

Еще интереснее вырисовывалась ситуация с теми потерпевшими, которые вообще не торопились заявлять о нападении. Этим пострадавшим удавалось выявить случайно, по косвенным признакам. К примеру, в одном случае в милицию обратился бдительный дворник, обнаруживший утром на своем участке лужу крови и следы, ведущие в ближайший подъезд. Благодаря дворнику и участковому инспектору в квартире второго этажа был найден потерпевший, не пожелавший самостоятельно заявлять о ночном нападении в органы правопорядка.

Другого бедолагу вычислили благодаря врачу-травматологу, сообщившему в милицию о подозрительном характере черепно-мозговой травмы пациента. Прибывший милицейский наряд опросил пострадавшего гражданина и выяснил, что прошедшей ночью он также подвергся нападению банды молодых грабителей.

На третьего пострадавшего, лежавшего без сознания, случайно наткнулись прохожие.

– Какие мысли по поводу скромных граждан, не пожелавших сообщать о нападениях? – спросил Старцев.

– Думаю, они не хотели светить в милицейских протоколах вещи, отобранные грабителями, – изрек Егоров.

– Или крупные денежные суммы, – добавил Бойко.

– Резонно, – согласился Иван. – Но из материалов предварительных следствий выходит, что и остальные пострадавшие – не служащие с окладом в сто пятьдесят рубликов. Верно?

Возражений не последовало.

– Из этого следует, что жертвами нападений становились отнюдь не случайные люди. Согласны?

– Согласны. Их вычисляли, – ответил за всех Егоров. – Еще из этого вытекает, что их пасли и знали обо всех перемещениях.

– В таком случае нам надо получить подтверждение этой версии. Разбираем дела и начинаем работу.

Ближе к вечеру Старцев с Васильковым возвращались в Управление Московского уголовного розыска на Петровку, 38. Оба были уставшие и голодные. Ранее, прихватив с собой три уголовных дела, они выехали по адресам потерпевших, чтобы встретиться с ними и подробно опросить.

Первого потерпевшего – заведующего мукомольным предприятием – они отыскивали быстро. Это был весьма упитанный сорокалетний мужчина с гладким лицом и приятными обходительными манерами. Нападение на него было совершено довольно давно, полгода назад. Следов от травм, полученных тогда, на его лице и теле уже не осталось.

Даже не глянув в развернутое удостоверение Старцева, Игорь Ильич Макаров – так звали потерпевшего – тотчас натянул подобострастную улыбку, расшаркался и пригласил сыщиков в свой директорский кабинет. Там он положил перед гостями раскрытую коробку дорогих папирос и подробно ответил на все вопросы интересующие их.

Второго потерпевшего пришлось ждать битых полтора часа.

– Как ваше здоровье, Лев Исаакович? – поинтересовался Старцев, когда тот наконец-то вернулся на рабочее место оценщика в ломбарде, расположенном на площади Маяковского.

Удостоверившись в том, что незнакомые мужчины не проходимцы, а самые настоящие сотрудники МУРа, пожилой мужчина протянул с типичным еврейско-одесским говорком:

– Могло быть и лучше. Вы не представляете, как по ночам ноет это место и какие мне снятся кошмары. – Он осторожно потрогал бинтовую повязку на голове и посмотрел на сыщиков, ожидая соболезнований и понимания.

– Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, – вместо поддержки сказал Васильков. – И получить на них исчерпывающие ответы.

– Да-да, разумеется. Я всегда рад помочь нашим органам. Присаживайтесь.

Опросив второго потерпевшего, два майора попрощались с ним и отправились искать последнего персонажа из короткого списка. Он был самой важной птицей, целый заместитель управляющего трестом общественного питания столицы. В подчинении у него находились столовые, кафе, закусочные, рестораны, фабрики-кухни. Всего более двух тысяч предприятий подобного рода.

– Это не дивизия и даже не корпус, а целая армия! – оценил масштаб на армейском языке Васильков.

Секретарша встретила мужчин надменным суровым взглядом, однако, увидев красное удостоверение с надписью «Уголовный розыск», моментально растаяла.

– Рада бы вам помочь, но Иннокентий Семенович на совещании, – испуганно улыбаясь, сказала она и вполголоса сообщила страшную тайну: – К нам сам заместитель наркома приехал с докладом.

– Что за совещание?

– Этажом выше, в кабинете управляющего. Посвящено упразднению Государственного Комитета Обороны и образованию оперативного бюро Совета народных комиссаров.

– Дело нужное. И когда оно закончится? – поинтересовался Старцев.

– Не знаю. Они всегда по-разному совещаются. А вы присаживайтесь, – проговорила секретарша. – Хотите чаю?

– Хорошо, мы подождем.

Иннокентий Семенович появился в приемной примерно через час. Еще столько же времени сыщики беседовали с ним с глазу на глаз в просторном кабинете. И вот теперь, в восьмом часу вечера, они возвращались на Петровку уставшие и чертовски голодные.

Кабинет, в котором трудились сотрудники группы Старцева, был прямоугольной формы с небольшим закутком в дальнем от двери углу. Офицеры шутливо прозвали его столовой. Здесь стоял небольшой кухонный стол, покрытый полосатой клеенкой, недавно купленной в складчину. На нем красовалось общее имущество, в том числе электрическая плитка с вечно перегоравшей спиралью, кружки, ложки, нож, жестяная банка с сахаром, керамическая солонка, выдавший виды алюминиевый чайник.

Порой ход расследования какого-нибудь заковыристого преступления не позволял людям отлучиться даже на прием пищи, и они устраивали перекус прямо на месте, не отходя от станка. Как правило, в закромах всегда были чай, сахар, хлеб, лук и чеснок. Но случались и приятные исключения, когда сотрудники приносили сюда шматок сала, сушеную рыбу или домашние пирожки. Однажды кто-то из женатиков приволок из дома пять пачек горохового концентрата.

– Э-э, нет! – запротестовал тогда Старцев. – Неси-ка их обратно! В окопах на свежем воздухе горох в таком количестве потреблять дозволяется. А в закрытом помещении – уволь.

Вдоль крашеной стены со светлыми пятнами трех высоких окон размещались рабочие столы рядовых оперативников. Начальственный стол Старцева возвышался на отшибе – точно под портретами Иосифа Виссарионовича Сталина и Феликса Эдмундовича Дзержинского. Торцевые стены кабинета почти целиком были заставлены деревянными шкафами и стальными сейфами, в недрах которых хранилась справочная информация, внушительная картотека на самых выдающихся представителей криминала, прежде всего, конечно, столичного.

В этом кабинете с застоявшимся запахом табачного дыма сыщикам приходилось проводить большую часть своей жизни. Не сорок восемь часов в рабочую неделю, а гораздо больше, ровно столько, сколько требовалось для скорейшего раскрытия очередного преступления.

Оперативники уже закончили обход потерпевших, нашли каждого и провели опрос, а теперь ждали задержавшихся Старцева с Васильковым. Когда те появились в кабинете, Бойко

заваривал чай, Егоров листал папку с материалами уголовного дела, а остальные живо обсуждали грандиозный парад физкультурников, прошедший на Красной площади 12 августа.

– Как дела, мужики? – спросил Старцев и, постукивая о паркет тростью, доковылял до своего стола. – О, аромат свежей заварочки! Молодцы!

Пока майоры наливали в свои кружки горячий чай, оперативники поочередно делились с начальником информацией, добытой за день.

– Мы с Игнатом успели опросить четверых потерпевших, трех мужчин и одну женщину, – начал Егоров. – Все четверо отнеслись к нашему визиту настороженно, на вопросы отвечали неохотно. Некоторые путались, называя ценности, похищенные во время нападения.

– Может, пьяные были точно так же, как Семенцов, и не помнят?

– Будучи пьяным, Харитоныч, можно забыть, сколько купюр осталось в твоём кармане после вечера в кабаке. А тут речь о часах, кольцах, портсигарах. В случае с женщиной – о серьгах и брошках.

– Резонно, – согласился Старцев, взгромождаясь на свой любимый подоконник. – Продолжай.

– У нас создалось впечатление, будто потерпевшие смирились с нападением, с утратой ценностей.

– И хотят поскорее забыть об этом, – добавил Игнат Горшеня.

Васильков подул на поверхность горячего напитка и спросил:

– Ничем интересным никто из них не поделился? Может, вспомнили какую деталь, о которой ничего нет в протоколе?

Егоров мотнул головой и сказал:

– Нет. Они все отвечали с неохотой.

Старцев зашелестел кульком с сухарями, достал пару штук, один протянул Александру, от своего отломил кусочек, закинул его в рот, с хрустом разжевал и запил чаем.

– Ну а вы чем порадуете? – обернулся он к Бойко и Баранцу.

– Те же рожи, только в профиль, – с изрядной долей безнадёги произнес Олесь. – Правда, мы успели опросить всего троих. Четвертый клиент уехал в командировку, а пятый в больницу после операции.

– Какой операции?

– Нет, она не связана с нападением. Что-то с желудком. Язва, кажется. Операция прошла вчера, и врач настоятельно попросил сегодня не беспокоить. Завтра с утра поедет.

– Ясно. Докладывай по остальным.

Бойко раскрыл первую папку из тех пяти, что держал в руках.

– Гражданка Авербах Юлия Давидовна, девятьсот одиннадцатого года рождения, подверглась нападению в июне сорок пятого. Около двух недель провела в больнице. От сильного удара по спине пострадала левая почка. На первом допросе заявила о пропаже золотого браслета, но позже начала путаться и в конце концов полностью изменила показания.

– Сказала, что никакого браслета у нее не было? – спросил Иван и снова отхлебнул из кружки.

– Точно.

– Что с другими?

– Похожая картина. – Олесь развернул следующую папку. – Алан Айнурович Басманов, девятьсот второго года рождения. Заявил, что денег при нем на момент ограбления было в три раза меньше, чем указано в протоколе дознания. Типа, во время того опроса он слегка ошибся.

– Понятно.

– Третий гражданин...

– А третий гражданин вдруг вспомнил, что часы у него были не золотые, а позолоченные. Так?

Бойко, уже открывший рот, едва не подавился, откашлялся, поднял удивленный взгляд и спросил:

– Откуда ты знаешь?

– Это, братец, пыль на рояле. Главное впереди. Перед нами очень даже всерьез замаячила версия о банде, состоящей из очень хитрых и деятельных молодых людей. Улавливаете, товарищи?

Утром Старцев намекнул своим людям о родившемся подозрении. Дескать, банда, промышляющая ночными грабежами, делает это не спонтанно, не уповая на случай, а тщательно готовится к преступлениям, выбирает жертву, следит за ней, подкарауливает. И вот уже к вечеру данная версия получила очередные подтверждения.

Разве что вечный скептик Бойко позволил себе усомниться в ее правомерности.

– Ты всерьез полагаешь, что бандиты каким-то образом пронюхивают о нечистоплотных богатеньких клиентах? – спросил он Ивана.

– Так точно. У меня эта мыслишка родилась еще вчера. А сегодня мы с Александром побывали в кабинете заведующего мукомольным предприятием, после поехали в ломбард на площадь Маяковского и завершили разъезды в гостях у заместителя управляющего трестом общественного питания Москвы. Как вам такие жертвы? Ни одного работяги, секретаря-машинистки, пожилого пенсионера. Все жертвы этой банды – люди далеко не бедные, при должностях.

– Так и есть. Мои сегодняшние потерпевшие были той же самой масти, – согласился Егоров.

– Да и мои не из простых, – поддержал его Бойко. – Сразу видно, тихие жулики и прохиндеи.

Согласились с этой версией и другие сотрудники.

А Васильков развил свое предположение:

– Примерно половина пострадавших почему-то приуменьшает ценность утраченных вещей.

– Потому что эти вещи приобретены не на трудовые доходы! – вставил Костя Ким.

Старцев спокойно выслушал мнение подчиненных, подхватил трость, сполз с подоконника и подытожил:

– Вот этим, братцы, мы завтра с вами и займемся.

Глава 2

Первые двое суток расследования ночных разбойных нападений пролетели словно несколько часов. Все были при делах, ездили, искали, ждали, опрашивали, изредка собирались в кабинете, обменивались информацией, совещались, выстраивали версии. Тем не менее аврала не отмечалось. Оперативники работали в обычном ритме.

Огромный объем справочного материала, лежащего по шкафам и сейфам, в расследовании не помог. Персонажи из блатного мира, учтенные там, годились в отцы молодцам, развлекавшимся грабежами на ночных улицах столицы.

В начале второго дня Егоров, Горшеня, Бойко и Баранец мотались по детским комнатам милиции. Они беседовали с их сотрудниками в надежде на то, что те дадут наводку хотя бы на одну подходящую кандидатуру из тех, что находились сейчас или были ранее у них на учете. Важно найти первую зацепку, а распутать клубочек будет уже проще.

В лихое военное время беспризорность и детская преступность в стране достигли ужасающих размеров. К примеру, в Центральном военно-справочном детском столе Бугуруслана, специально созданном для розыска людей, потерявшихся во время войны, состояли на учете около двух с половиной миллионов детей, оставшихся без попечения родителей. Для ликвидации данной проблемы приказом НКВД СССР от 21 июня 1943 года были созданы отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Количество детских комнат, в которые доставляли с улиц малолетних правонарушителей и бродяжек, в том же году увеличилось до семисот. После войны положение быстро выправлялось, однако работы у детских инспекторов по-прежнему оставалось много.

Муровцы подолгу беседовали с сотрудниками отделов и комнат, выясняли, кто из несовершеннолетних имел склонность к грабежам и разбою. Подходящих по возрасту кандидатов они заносили в специальные списки, в которых напротив каждой фамилии и клички значились адреса, где данного субъекта можно было отловить.

К вечеру третьего дня составленные и скорректированные списки легли на стол Старцева. Тот, пролистал их, выкурил в ходе этого процесса пару папирос, потом вооружился карандашом и начал группировать юных нарушителей закона по территориальному принципу.

– Так, Василий и Игнат, вам на завтра вот эти гаврики, – сказал он и подал подчиненным листок со списком, состоящим из полутора десятка фамилий и кличек. – Договоритесь, где встретитесь утром, и вперед. Там все в пределах двадцати кварталов. Дальше...

Бойко с Баранцом получили для работы юго-запад Москвы. Молодому Косте Киму, как и всегда, надлежало прибыть в отдел и дежурить на телефоне для координации действий сотрудников группы. Ну а Старцев с Васильковым взяли список оболтусов, обитавших в северо-восточном районе столицы, от Сокольников до Яузы.

Бывшие фронтовики-разведчики жили рядом с этим районом и знали о его дурной славе. Если в Марьиной Роще и Хитровке до недавнего времени цвела пышным цветом, образно говоря, взрослая преступность, то здесь проходили криминальное обучение малолетки.

Рано утром Иван и Александр встретились на пересечении Остроумовской и Стромынки, зашли за инспекторами и отправились по адресам.

– Мужчины, врать не буду, не на хлеб прошу. На водку. Дайте, сколько сможете, а?..

У высокой женщины, привязавшейся к Старцеву и Василькову в самом начале улицы, сохранилась замечательная фигура. Но вот венчала ее маленькая голова с безобразным одутловатым лицом, лиловыми синяками и редкими растрепанными волосами, каким-то чудом державшаяся на морщинистой шее.

– Пропойца со стажем, – негромко проговорил Иван.

– Дать ей, что ли, мелочи? – Александр полез в карман.

Старцев усмехнулся и заявил:

– Саня, сердобольный, ты наш! У тебя лишние деньги, что ли, завелись? Она тебя запомнит и потом как родного встречать будет.

– Так ведь не отвяжется и испортит нам всю задумку.

– Не обращай на нее внимания, да и дело с концом.

Офицеры искали последний адрес из довольно длинного списка. Весь день им помогали два детских инспектора: тридцатилетний младший лейтенант Теплов и молоденькая девушка, сержант Нилова. Они прекрасно ориентировались в здешних переулках, не раз встречались с теми персонажами, которых разыскивали оперативники МУРа, и сейчас уверенно шли впереди к нужному переулку.

Задача на этот день сложностью не отличалась. Надо было пробежать по выписанным адресам, найти малолетних бузотеров, воришек, хулиганов и попытаться запугать их, раскрутить, взять на понт, как говаривали в криминальной среде.

Несмотря на относительную простоту занятия, денек выдался тяжелым. Сентябрьское солнышко не на шутку разогрело воздух, и к полудню в Москве стало чертовски жарко. Оперативникам, разыскивающим адреса, приходилось наматывать километры, и к пятнадцати часам Старцев искренне пожалел о том, что не воспользовался служебным автомобилем. Да еще эти детки, если так можно было назвать несовершеннолетних исчадий ада. То «дядя, дай закурить», то «одолжи рублик, а то не скажу ни слова».

Все пацаны, с коими операм довелось встретиться в течение дня, были отнюдь не простачками и оказались весьма подкованными в деле общения с представителями правопорядка.

– А чего ты мне сделаешь? – спросил жиган по кличке Василиса, нагло глядя на Старцева.

Звали его Василием Сизовым, потому, видимо, и приклеилась к нему такая кличка. Нашли пацана на чердаке старого трехэтажного дома. Худуший, грязный, одет в лохмотья. Оперативники задали ему несколько вопросов, а тот в ответ их откровенно послал туда, куда фронтовики посылали фашистов.

Иван, не привыкший к такому общению, взвился, повысил голос и готов был отвесить малолетнему наглецу подзатыльник.

Тот соорудил на физиономии наглую улыбочку и выдал:

– Я законов не нарушал. – Он ловко сплюнул сквозь два передних зуба. – А то, что из приюта сбегая, так это по делу. Кормят там плохо и грамоте каждый день заставляют учиться. А я не хочу!..

Старцев растерянно посмотрел на инспекторов, сопровождавших сотрудников МУРа.

– Максимум, что мы можем сделать, так это вернуть его в приют, – прошептал лейтенант Теплов.

– А в колонию?

– Это уже сложнее. И дольше.

Поговорить с Василисой все же удалось. Дело спас Васильков. Он пошел на хитрость, демонстративно выудил из кармана пачку хороших папирос и закурил. Мальчишка повел носом раз, другой, потом не выдержал, сменил тон и попросил папироску.

– Мужчины, умоляю. Мне плохо. Ну, хотите, я для вас станцую?

– Цыганочку с выходом? – спросил Старцев и хохотнул. – Или танго?

Высокая женщина огладила юбку на бедре, не понимая, шутят видные мужчины или вправду хотят посмотреть на эти танцы.

– Да я что угодно могу исполнить, – проговорила она. – И цыганочку, и танго, и фокстрот, и румбу.

– Ишь какая талантливая! И где ж ты всему этому научилась? – не сдержался Иван, нарушая свой же совет не обращать на попрошайку внимания.

– Так я же балерина. Бывшая, правда, – вздохнула та. – Окончила Московский балетный техникум, пять лет танцевала в Большом, пока не сломала ногу. Я ведь и солировала на сцене, и даже на фронт с бригадой артистов ездила, в кузове полуторки перед бойцами выступала. Знаете, как они мне аплодировали!

Вдруг, разом преобразившись, она прямо на пыльной мостовой изобразила несколько грациозных па. Солнечные лучи, наискосок пробивавшиеся сквозь листву, настолько удачно легли на танцующую женщину, что на миг превратили ее лохмотья в настоящий театральный костюм. Мостовая с палисадником и рядом деревьев, уходящих вдаль, послужили живописными декорациями. Незабываемая легкость, годами отточенные движения тотчас преобразили бездомную побирушку в самую настоящую актрису.

От неожиданности Васильков остановился и едва удержался, чтобы не захлопать в ладоши. Не меньше удивился и Старцев. Он пробубнил что-то невнятное, сунул балерине купюру и, опираясь на свою тросточку, бросился догонять инспекторов, ушедших вперед.

По последнему адресу был зарегистрирован некто Тимур Тактаров, четырнадцатилетний мальчуган, доставлявший немало хлопот сотрудникам местного отдела по борьбе с детской беспризорностью. Проживал он вместе с пьющей матерью на втором этаже ветхого дома, который постепенно разваливался и уже лишился многих жильцов. Отец Тимура ушел на фронт и пропал без вести в первые дни войны, старший брат связался с уголовниками и мотал второй срок в лагерях, младшая сестра умерла от инфекционного менингита.

Инспектора без труда отыскивали в кривом переулке дом с облезлыми стенами и чернеющими амбразурами пустых окон. Перед входом в единственный подъезд сидела крупная собака, дворняжка с незатейливым рыжим окрасом, окруженная едва ли не десятком щенков, совсем еще мелких. По скрипучим деревянным ступеням офицеры и сержант поднялись на второй этаж, постучали в дверь, обитую мешковиной.

Никто не отозвался. Дверь оказалась открытой.

В коридоре четверых гостей встретила женщина лет сорока с босыми грязными ногами, в выцветшем сатиновом халате, полы которого она не поторопилась запахнуть.

– Вам кого? – спросила она грубоватым голосом.

Младший лейтенант Теплов шагнул к ней и спросил:

– Где твой сын, Тактарова?

– Это опять ты. Не знаю. С утра был здесь. – Женщина кивнула на дверь, ведущую в дальнюю комнату.

В квартире, некогда просторной и довольно уютной, теперь царил беспорядок. На полу валялся мусор, какие-то старые вещи, распотрошенное велосипедное седло. Чуть ближе к кухне стояло корыто, тоже наполненное всякой дрянью. Кухонная дверь, снятая с петель, подпирала стенку. До войны, когда дом был в надлежащем состоянии, Тактаровы, скорее всего, занимали в этой коммуналке одну комнату. Теперь же, до сноса ветхого жилья, они попросту пользовались всеми пустовавшими площадями.

Васильков и сержант Нилова остались у двери, Теплов и Старцев быстро пошли в сторону дальней комнаты.

– А ну, стоять! – послышался властный голос лейтенанта.

Спустя несколько секунд он вышел в коридор, ведя за собой мальчугана с заспанным лицом.

– Чего пристали! Я ничего такого не делал! – бурчал он и тер кулаком глаза. – Я спал. Отпусти!

– Не бойся, мы тебя не заберем, – поспешил успокоить пацана Старцев. – Нам нужно просто с тобой поговорить.

– О чем? – продолжал тот тянуть противным скрипучим голосом. – Ой, больно! Отпусти! Отстань, говорю, или я тебе раковину на голову надену!

– Я тебе надену, стервец!

Наблюдая за огольцом, Васильков никак не мог поверить в то, что ему четырнадцать лет. Небольшого роста, щуплый, руки словно плети, впалые щеки, набухлые коленные суставы, в точности как у узника концлагеря. На мальчишке были широкие семейные трусы и большущая серая майка, видно, оставшаяся от старшего брата. Чтоб она с него не спадала, лямки позади пришлось перевязать бечевкой. Под ней топорщились острые лопатки, спереди сквозь большую дырку виднелись ребра. Если бы Александр повстречал его на улице, то больше одиннадцати лет ни за что не дал бы.

– Ему точно четырнадцать? – тихо спросил он у девушки, стоявшей рядом.

– Да, мы проверяли, – шепотом ответила она.

– Отчего же он такой мелкий?

– Родился недоношенным, часто болел. Плюс регулярное недоедание.

В это время Старцев подтолкнул парня в спину и сказал:

– Пройдем на кухню. Там у вас посветлее.

– Я пить хочу, – ныл Тимур. – И в туалет тоже.

– Ну так иди. Только мигом. У нас дел по горло!

Мальчишка живо просочился в ванную и прикрыл за собой дверь. Послышался шум воды, брызжущей из крана.

Пока мальчишка справлял нужду и пил, Иван обратился к матери:

– Чего ж ты за парнем не следишь, Тактарова? Или все равно тебе, что с ним станет?

– Чего за ним следить-то? Он большой уже, своим умом должен жить, – проворчала в ответ женщина. – Пока маленький был, беспомощный, я следила, выхаживала. А теперь пущай сам карабкается.

– Тебя твоя мамаша так же воспитывала? – съязвил Старцев. – Небось лет до двадцати под родительским крылышком нежилась!

– Я девкой родилась. Мне полагалось нежиться. А он мужик!

– Ты отцом-матерью воспитывалась и вон в какую яму скovyрнулась! Ладно, ты сама себе такую долю выбрала: не работать, пить, гулять, развратничать. А его зачем на погибель обрекаешь? Обеспечь ему должный надзор, а он уж сам после решит, в хлеву ему хрюкать или человеком стать!

Пока товарищ делал тщетные попытки вправить мозги непутевой бабе, Васильков прислушивался к звукам, исходящим из ванной. Там по-прежнему текла вода из крана и происходила какая-то возня.

Потом она стихла. Васильков заволновался, заглянул в небольшое помещение и обомлел. Внутри никого не было.

– Иван, он сбежал!

– Как?! Куда?!

– Через окошко небось, – заявила нетрезвая мамаша, махнула рукой и направилась в спальню.

Только теперь сыщики обратили внимание на открытое маленькое оконце под потолком, сквозь которое пацан и утек на кухню. Оба бросились дальше по коридору.

На кухне они нашли тот же мусор, старый стол с пустыми бутылками и остатками вчерашнего пиршества. Вдоль стены стояла садовая лавка, на полу валялся сломанный табурет. Тимура не было.

Старцев выглянул в открытое окно, осмотрелся и процедил:

– И здесь таким же способом ушел. В метре по внешней стене тянется пожарная лестница.

Все четверо живо покинули квартиру, спустились вниз, разделились, быстро обошли кругом ветхий дом, но мальчишку, разумеется, не нашли. Он удрал.

– Где же его теперь сыщешь? – недовольно пробурчал Иван. – Придется завтра еще раз сюда приехать.

Васильков прислушался.

– Подожди-ка.

Старцев с инспекторами замерли.

Тонкий слух фронтового разведчика уловил шорох внутри первого этажа все того же полузаброшенного дома. Александр осторожно приблизился к оконному проему. Иван последовал за ним.

Когда бывший командир роты взялся за подоконник и жестом попросил подсобить, Старцев прислонил трость к стенке дома и шепнул:

– Осторожнее. Вдруг он и в самом деле раковину на голову наденет. Они тут все такие.

Майор подтянулся, заглянул внутрь разрушенной квартиры и дал товарищу команду:

– Опускай. Нет его здесь.

– А кто же там возится? – подивился Иван.

– Рыжая дворняга кормит своих щенков, – ответил Васильков и вытер платком ладони.

Следующие двое суток тоже пролетели в беспрестанных поисках трудных подростков, способных пролить свет на участвовавшие ночные грабежи. Старцев с Васильковым и на следующий день не нашли Тимура Тактарова. Зато другие сотрудники оперативно-следственной группы оказались удачливыми и сумели отловить несколько ценных экземпляров.

Далее им приходилось действовать по обстоятельствам. Кого-то из пацанов они раскалывали агрессивным напором. Дескать, не станешь отвечать на вопросы, упакуем в колонию. Из других выуживали нужную информацию лаской и теплым человеческим отношением, угощали конфетами и папиросками, одного даже сводили в привокзальную столовку и хорошенько накормили. В общении с третьими опера применяли хитрость и смекалку.

Однако все усилия сотрудников МУРа результатов не принесли. Никто из опрошенных беспризорников в связях с бандой ночных грабителей уличен не был. Все привычно изворачивались, ввали, городили чепуху, в лучшем случае рассказывали о своей нелегкой доле. Но заслышав о парнях повзрослее, по ночам нападавших на граждан, они удивленно хлопали ресницами и разводили руками. Нет, мол, про таких не слыхивали. Возможно, тоже ввали. Или же и вправду ни сном ни духом.

На шестой день расследования Васильков в соответствии с очередностью заступил дежурным по камбузу. Это означало, что вечером он должен был забрать из общей кассы несколько целковых, а утром, по дороге из дома в управление – завернуть в бакалею и разжиться съестными припасами: хлебом, сахарком, консервами, чаем или в крайнем случае – простыми сухарями. Потраченная сумма была небольшой, зато в случае аврала сыщики не оставались голодными.

Снабжение населения после окончания войны постепенно налаживалось, однако продуктов и товаров первой необходимости все одно не хватало, поэтому в стране продолжало действовать карточное распределение. В свободной продаже продукты появлялись только в коммерческих магазинах, да и то постоянно на прилавках лежали лишь хлеб, соль, пара сортов табачных изделий и какая-нибудь второсортная крупа. Гораздо реже в закрытых грузовых фургонах подвозили что-то стоящее. К примеру, мясо с костями, мороженую рыбу, консервы, масло животное или растительное, молоко, овощи. Цены на все это пока оставались очень высокими, тем не менее у прилавков тотчас образовывались длинные очереди.

По пути от дома до управления располагались несколько коммерческих магазинов.

«Уж в каком-нибудь мне должно повезти», – подумал Александр, покинул жилище на час раньше обычного и отправился на службу пешком.

Лето победного сорок пятого года выдалось сухим и жарким. В начале сентября зарядили дожди, омыли мостовые и принесли долгожданную прохладу. Ко второй декаде небо очистилось, снова установилась солнечная погода, но уже без надоевшей духоты.

Дымить на ходу Васильков не любил. Имея в запасе минуты три после завтрака, обычно выкуривал первую папиросу на кухне возле открытого окна. Если опаздывал, то терпел до работы. Сегодня времени было в обрез, поэтому о куреве он вообще не думал, обулся, поцеловал на прощание супругу Валентину, подхватил тощий портфель и побежал по лестнице вниз.

Прилавки двух коммерческих магазинов оказались почти пустыми. Оставалась надежда на последний, располагавшийся на углу Краснопролетарской и Селезневской.

Повернув с Сушевской улицы налево, Васильков издалека заметил скромную вывеску продуктовой лавки, стоявший сбоку грузовой фургон и приличную очередь, хвост которой заканчивался аж посередине дома, соседнего с магазином.

– Вот те раз! – Александр покачал головой. – Магазин открылся полчаса назад, а народу столько, будто с ночи занимали.

Он подошел к пожилой женщине, стоявшей в хвосте очереди, и поинтересовался, чем торгуют.

– Рыбные консервы подвезли, сынок, яйца и белый хлебушек, – ответила та. – Стоять будешь или так спросил?

– Постою, мамаша. А быстро ли отоваривают?

– Быстро, сынок. Там понемногу в руки дают. Две банки консервов, десяток яиц да одну буханку.

«Негусто. Но все лучше, чем ничего», – отметил про себя майор и поглядел на часы.

Продукты – дело нужное, однако опаздывать на службу ему не хотелось.

В очереди кто-то курил. Уловив запах табачка, он тоже потянул из кармана пачку папирос, чиркнул по коробку спичкой, прикурил, с наслаждением затянулся крепким дымком и задумался о буксовавшем расследовании.

От этих мыслей Александра отвлек детский голос и настойчивое прикосновение к руке.

– Дядь, а дядь! – Кто-то дергал его за рукав пиджака. – Вы последний?

Обернувшись, Васильков увидел двух мальчишек лет по одиннадцать-двенадцать. Тот, что повыше, был подстрижен почти наголо. Ясные голубые глаза глядели требовательно и даже нагло. Его товарищ ростом не вышел, зато обладал пышной шевелюрой и конопатым улыбочивым лицом.

– Я, – подтвердил сыщик.

– Меня за консервами в магазин послали, – доложил ему лысый пацан. – Они там есть? А то зря стоять неохота.

Вместо ответа Александр указал на старика, только что покинувшего магазин, и спросил:

– Видишь, что дедушка в руках держит?

– Ага, вижу. Банки.

– Выходит, есть консервы.

Мальчишки успокоились, встали поближе к Василькову и принялись обсуждать школьные новости. Это его нисколько не удивило. Ведь недавно начался новый учебный год. У одного из мальчуганов на спине висел ранец. Вероятно, отстояв с товарищем в очереди, он собирался отправиться на занятия.

Васильков докурил папиросу, кинул ее в урну и снова задумался о расследовании, пытаясь изобрести хоть какой-то ход, способный приблизить группу к успеху. Он отлично выпался, голова неплохо соображала, да вот толку с этого не было никакого. Возможно, из-за небольшого опыта работы в уголовном розыске в его арсенале еще не накопилось достаточного коли-

чества комбинаций, способных дать результат в противостоянии с преступниками. Или же уголовные дела, связанные с шайкой молодых бандитов, действительно являлись сложнейшей задачей. Не зря же коллеги из других оперативно-следственных групп откровенно сочувствовали Старцеву и вслух, не стесняясь, называли эти дела мертвыми.

Александр Васильков родился и вырос в Москве. Учился в школе, зимой катался на санках, летом бегал с друзьями на Яузу. Одним словом, был обычным пацаном, мало отличавшимся от сверстников. Незадолго до войны он окончил геологоразведочный институт и был распределен на работу в Московское государственное геологическое управление. Дважды успел съездить с партией в поле, на Урал и в северный Казахстан.

В июне сорок первого, как и тысячи других гражданских специалистов, Васильков надел военную форму, взял в руки оружие и отправился на фронт. Боевые действия начал командиром взвода в звании младшего лейтенанта. В первый же месяц с остатками разбитых частей Красной армии отступал, прорывался из окружения, привыкал, учился азам военного дела. Природная хватка, ум, сообразительность помогли Александру быстро освоиться и подняться до уровня кадрового офицера. В конце лета сорок первого года он стал лейтенантом. А через два месяца комдив уже вручил ему первый боевой орден.

Потом последовал перевод в разведку, куда набирали грамотных, толковых и смелых бойцов. Начались бессонные ночи, затяжные рейды по тылам противника, охота на языков, засады, диверсии.

Став командиром роты, он познакомился с Иваном Старцевым. Его прислали взводным из соседней дивизии. В разведке Ванька сразу пришелся ко двору. Человек обстоятельный, деловой, надежный. Такому поручи любое дело и можешь не беспокоиться, он выполнит. Вскоре Старцев стал вторым человеком в роте и, по сути дела, заместителем Василькова, хоть такая должность боевым расписанием и не предусматривалась.

К середине войны сложно было вспомнить все успешные операции, проведенные этими удачливыми офицерами. Они не один десяток раз водили через линию фронта группы разведчиков, приволокли на себе нескольких языков, добыли немало ценных сведений, благодаря которым наши воинские соединения успешно громили врага. Так, глядишь, оба и закончили бы войну в одном подразделении, если бы не роковая случайность, произошедшая темной июльской ночью 1943 года в восточном пригороде Рылска.

Эти пацаны не виделись полжизни. Точнее сказать, целое лето, а то и чуть дольше. Потому, стоя в очереди, они живо делились недавними событиями, впечатлениями о новичках, пришедших в класс, и о новых предметах. Затем мальчишки поговорили о собаках, аквариумных рыбках, сломанной рогатке и вчерашней двойке по русскому языку.

После этого высокий и лысый парнишка вдруг спросил:

– Слушай, а чего это братец твой Эдик дрыхнет и в школу не собирается? Я второй раз к тебе утром захожу, а он все валяется.

– Работает по ночам, устает, не высыпается, – без особого энтузиазма ответил конопатый товарищ. – Вот мамка и разрешает ему иногда пропускать школу.

– Где это он работает?

– На заводе.

– На номерном или на гражданском?

– Не знаю. Вроде на ЗМА.

– На каком еще ЗМА?

– Завод малолитражных автомобилей.

– Нет в Москве такого завода.

– А вот и есть! Он новый. Его только строят, и Эдик ходит расчищать пустыри под цеха.

– Нет такого завода! Не хочешь рассказывать про своего старшего брата, ну и не надо. А врать не обязательно!..

Позади Василькова разгоралась перепалка. У подростков часто такое случается. Сейчас друзья не разлей вода, а через минуту из-за сущей ерунды бросаются в драку.

Медленно продвигаясь вместе с очередью к дверям магазина, сыщик размышлял о расследовании и не обращал на мальчишек внимания. Но внезапно разговор на повышенных тонах прервался. Друзья перешли на шепот, и Александр поневоле прислушался.

– Ладно, тебе одному скажу, – доверительно произнес конопатый. – Про завод это он так, взрослым заливаает, чтоб не донимали. А на самом деле брат с друзьями банду сколотил.

– Да ну?! – не поверил коротко стриженный товарищ.

– Точно говорю. Только ты никому! Я слово Эдику дал.

– Я – могила, ты же знаешь.

Услышав про банду, Васильков тут же позабыл обо всех проблемах и наострил уши.

– Прямо самая настоящая банда? – попытывался лысый пацан.

– Я толком не знаю. Видел несколько раз, как он с друзьями встречается у калитки. Стоят, совещаются, только угольки от папирос мелькают. Потом бац – и исчезли. А возвращаются под утро, уставшие, но довольные, – горячо шептал конопатый малый. – Ну, я возьми и спроси его напрямую.

– А он?

– Он плотно прикрыл дверь, чтоб мамка не услышала, и сказал, будто они кое-кого отслеживают.

– Кого?

– Да кабы я знал.

Александр лихорадочно придумывал, как раскрутить невысокого пацана на подробный рассказ о старшем брате. Можно было просто задержать его, предъявив удостоверение сотрудника уголовного розыска, но данный способ имел ряд изъянов. Во-первых, второй парнишка непременно сообщит о задержании родителям первого, и это спугнет главного фигуранта по имени Эдик. Поэтому тащить в управление придется обоих. Во-вторых, что сыщики предъявят конопатому пацану, если тот заявит, что все придумал? Что можно предъявить его старшему брату, куда-то таинственно исчезавшему с друзьями по ночам? Скажет, играли в карты на чердаке соседнего дома, бегали на свиданку к девчонкам. Ну и поди-ка докажи обратное.

«Не годится, – отмел Васильков мысль о немедленном задержании. – Тут надо сыграть тоньше, артистичнее».

И вдруг просияв, полез в карман галифе, где звенела мелочь.

Блестевшая на солнце монета лежала на правой ладони Александра. Сам он стоял впол-оборота к мальчишкам и, будто задумавшись, глядел куда-то вдаль сквозь шелестевшие листво-вой вязы. А его рука, согнутая в локте, тем временем жила своей жизнью. Плавное движение пальцев, легкий поворот вправо-влево, и на ладони пусто. Затем те же самые пасы в обратном порядке, и монетка опять на своем месте.

Перед началом представления Васильков незаметно покопался в россыпи мелочи, выбрал самую нарядную, новую монетку, сверкавшую свежей полировкой. После этого он и приступил к таинству.

Конечно же, пацаны, стоявшие рядом с ним, не могли не заметить внезапной пропажи и столь же чудесного возвращения монеты. О том, что трюк привлек все их внимание, сыщик догадался по внезапно прервавшейся дискуссии о ночных похождениях Эдика.

Вместо приглушенного шепота слышалось напряженное сопение, а потом и возгласы восхищения:

– Ух ты!

– Как это у него получается?

- Не знаю. Здорово!
- Вот бы нам так научиться и показать пацанам в классе!
- Он, наверное, фокусник!
- Точно! В цирке небось работает.

Монетка тем временем волшебным образом то исчезала, то появлялась снова. Без звона, пыли и дыма. Суть фокуса заключалась в ракурсе, с которого зрители наблюдали за происходящим, а также в неприметном и отточенном движении большого пальца.

Неспешно повторяя хитрый трюк, Александр усмехнулся, вспомнив, как в юношеские годы на переменах тренировал навыки фокусника. Выходит, не зря ходил в школу.

Очередь продвигалась довольно быстро. Вот он уже перешагнул низкий порожек и оказался внутри магазина. Здесь было сумрачно, и пахло хлебом. Тихо матерясь, продавщица сражалась в подсобке с пустыми картонными коробками. Бабушки, прильнувшие к прилавку, терпеливо ожидали ее победного возвращения.

Васильков решил, что пора вступать в контакт.

- Понравилось? – Он сделал вид, будто только что заметил мальчишеский интерес.
- Ага! – хором ответили они.

Горящие глаза и впрямь излучали любопытство.

Развернувшись к школьникам, Александр еще дважды продемонстрировал тот же самый фокус.

- Здорово! – оценил лысый пацан. – А еще можете что-нибудь показать?
- Конечно. Смотрите.

Монетка вновь легла на правую ладонь. Левая плавно проплыла над ней, и ладонь оказалась пустой. Новое движение, и монета вернулась на место.

- Волшебство!.. – выпучив глаза, прошептал конопатый парень.
- Разве это волшебство? – Артист усмехнулся и спросил: – Карандаш есть?

Конопатый пацан мигом скинул с плеч ранец, раскрыл его, покопался в учебниках и тетрадках и протянул волшебнику простой карандаш.

Васильков взял его за край пальцами правой ладони, сделал отвлекающее движение другой рукой, и карандаш испарился. За этим последовало новое быстрое движение, и ловкий фокусник достал школьную принадлежность из-за уха лысого паренька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.